

ВДОЛЬ СТАРОГО СЕЛА.

Из блокнота журналиста

ТРЕТИЙ раз я в Седанке — старинном национальном селе на излучине широкой живописной реки Напаны. Третий раз, но, тем не менее, иду по его тихим улицам впервые: как-то прежде мое знакомство с Седанкой ограничивалось территорией аэропорта, а если точнее — небольшой площадкой на окраине села, возле совхозного птичника. Не получалось прежде добраться до двухэтажных деревянных домов, в которые с каждым годом все больше переселяется местных жителей, в основном потомственных оленеводов. А тут из-за нелетной погоды пришлось задержаться на два дня. Но жалеть, что застрял на полдороге, пожалуй, не стоит: эти два дня, проведенные в Седанке, оставили в памяти хороший и долгий след.

Попал я сюда в последние дни октября. Обычно в эту пору здесь уже лежит снег и морозец по утрам слегка пощипывает щеки. Но нынче зима что-то задержалась, снег выпал и остался лишь на далеких сопках. А тот, что было укрыл улицы села неделю назад, быстро растаял, оставив вместо белого покрывала липкую грязь. Потом пошли дожди, добавив влаги на без того сырую землю. Поэтому лучшая обувь здесь в это время резиновые сапоги. В них ходят все местные жители. А приезжие жмутся ближе к заборам, где посуше, и резво прыгают через лужи и мокрые глинистые колеи от гусениц вездеходов и тракторных саней. Смешно и странно смотреть на эти прыжки со

стороны. Но я на «коне»: я в рыбацких резиновых сапогах.

С управляющим Седанкинским отделением Тигильского совхоза Василием Тимофеевичем Есиным идем по селу. Он здесь с 1972 года. А до этого десять лет работал в Олюторском районе. Так что с севером знаком не понаслышке, было время и почувствовать экзотику, и познакомиться с тонкостями оленеводства, и почувствовать все прелести «глубинки».

— Когда я сюда приехал, здесь были одни небольшие домишки постройки военных лет, землянки и несколько более-менее новых жилых домов, — вспоминает Есин. — Седанка выросла на моих глазах. За это время построены два двухквартирных дома, один одноквартирный, совхозная контора, здание сельсовета, почта, больница. Реконструировали сельский клуб, сделали трехкомнатную пристройку, где разместилась библиотека и нашлось место для занятий кружков. Но особенно интенсивно начала прежде одноэтажная ветхая Седанка застраиваться с 1975 года. Начали возводить двух-, трех- и четырехквартирные жилые дома — 14 штук построили за это время, здания средней школы, интерната, пекарни, гостиницы, два двадцатиквартирных дома...

— А что за проект такой — жилой дом на двадцать квартир? Прежде такие здания на селе не встречались, — интересуюсь у Василия Тимофеевича.

— Верно, — подтверждает он. — Открою маленький секрет. Строим мы в общем-то типовые двенадцатиквартирные жилые дома, но так как хороших квартир не хватает, приходится заниматься «самодеятельностью» — в зданиях размещать на восемь квартир больше, чем планировали архитекторы. Понятно, не от хорошей жизни идет эта «самодеятельность», но ведь люди хотят жить в благоустроенных домах, они заслужили это. Пусть поменьше, потеснее будут комнаты, зато больше семей справит новоселье.

Идем по главной улице села — Советской. Среди других она выделяется своим благоустроенным видом. Здесь запрещено движение транспорта, к тому же недавно на дороге высыпали несколько десятков машин гравия.

— Подсыпаем гравием и другие улицы, да только пока мало от этого проку. Почва здесь словно болото: сколько не сыпь, все в тундру уходит, — сокрушается В. Т. Есин. — Чтобы по-настоящему заниматься благоустройством, его надо совхозу планировать, отпускать для этого средства, выделять технику. А у нас в отделении нет даже бульдозера. Так, за счет местной инициативы и благоустраиваем село.

В конце улицы, словно братья-близнецы, выстроились небольшие старые домишки. Их строили в суровую военную годину. Не до удобств тогда было: лишь бы людей из землянок переселить, пусть тесно будет, зато тепло и светло.

За деревянными заборами в поленницах лежат березовые дрова. Из труб поднимаются легкие шлейфы беловатого дыма. Всю жизнь дрова из леса были главным топливом для жителей села. Топят ими и сейчас. Но с появлением новых благоустроенных домов появились в Седанке котельная, центральное отопление и водопровод. Дровами в новых домах много тепла не нагонишь. Поэтому по зимнику каждый год завозят из Яров местный и сахалинский уголь. Целые тракторные поезда курсируют по заснеженной тундре в это время...

Задерживаемся у старого кирпичного дома, что стоит с наглухо заколоченными окнами. Здание явно нежилое. Штукатурка обвалилась, ярко сверкает старая кирпичная кладка.

— Неужели кирпич в Седанку завозили? — интересуюсь у своего спутника.

Есин в ответ хитро улыбается.

— Зачем же в лес дрова везти? Из своего, местного кирпича в пятидесятых годах дом выложил один расторопный хозяин-украинец. Нашел недалеко от села подходящую глину, сделал формы, соорудил печку для обжига... Добрый кирпич получался. Заезжий человек и научил этому делу местных жителей, считай, все печки в старых домах из него сделаны. Хотели мы как-то разобрать старый дом, да не получилось: стал ломаться, крошиться кирпич, все-таки сколько времени простоял...

Возле одного из этих тихих двориков с аккуратно сложенными поленницами на минуту останавливаемся.

— Амто, Тимофеевич! — приветствует управляющего старый коряк, «колдующий» над конским хомутом.

— Амто, дед! — степенно отвечает Есин. — Как дела, как здоровье?

Подходим к нему, знакомимся. Старый оленевод, ныне пенсионер, Келолов Веве Алич. Что-то не хватает у него под руками, чтобы исправить старый хомут, и они с Есиным начинают думать, как выйти из положения. А в узком оконце, что разместилось между старых тесаных бревен аккуратного домика, выглядывает супруга Веве Алича. Она тоже давно на пенсии. Быстро, как стремительный олень, пролетела их молодость в тундре на маршрутах кочевий. Скучно коротать время в четырех стенах родного дома. Но без дела она не сидит: как и многие пенсионеры, помогает совхозу шить одежду и обувь для пастухов.

Многие бывшие кочевники, ушедшие на заслуженный отдых, заготавливают рыбу для собачьих упряжек, шьют теплые кукули, меховые одеяла, палатки и прочие очень нужные в тундре вещи. А те, кто покрепче, осенью выезжают на корализацию — их опыт очень помогает в этом ответственном деле. Каждая такая встреча с тундрой — настоящий праздник для них. Посидят у жаркого костра с кружкой крепкого чая, покидают чаут, еще раз увидят стремительное кружево оленей в корале — и будто молодость к ним возвращается...

Акеев Текьев Акевич, Икавав Нарак Камович, Авинов

Авве Талокович, Тейкепов Экил Векичевич — перечисляет управляющий бывших оленеводов, которые теперь в меру сил помогают совхозу. А я удивляюсь его памяти: надо же держать в голове столько трудных имен и фамилий!

Прошли мимо двора Авиновой Авики Гамековны, известной мастерицы по пошиву кухлянок, торбасов, малахаев и прочей национальной одежды и обуви. Скроит, сошьет и украсит узорами так, что любого посмотреть. И не случайно, что искусство старой мастерицы получило всеобщее признание. Ее изделия пользуются успехом не только на ежегодных выставках в родном селе, но также в Петропавловске, Палане, Хабаровске. Рядом с домом стоит юрта, где Авики Гамековна шьет национальную одежду.

— Нам бы просторную мастерскую организовать, собрать в ней всех сельских мастериц. Какая бы помощь была совхозу в обеспечении пастухов удобной национальной одеждой и обувью, — мечтает Есин.

...Утром сбегая по крутой тропинке вниз к реке. Напана, поднявшись от осенних проливных дождей, помутнела, вздыбилась. Стремительно несет она на своей мощной струе захваченные в верховьях ветвистые коряги и сучья. А в заводи у обрывистого берега, где стоят легкие моторки, уже проплывают тонкие, невесомые льдинки. Зима не за горами. Скоро, совсем скоро запуржат здесь снежные метели, с просторов застывшей реки потянет колющий стылый ветер, и улицы Седанки станут белыми и скрипучими под санным полозом.

В. ЛЕДЕНЕВ.